

Кобо
АБЭ

Тайное свидание

Роман

Санкт-Петербург

ТЕТРАДЬ I

Пол — мужской

Имя — ...

Кодовый номер — М-73Ф

Возраст — 32 года

Рост — 176 см

Вес — 59 кг

На вид худой, но мускулистый. Страдает небольшой близорукостью и носит контактные линзы. Чуть вьющиеся волосы. В левом углу рта едва заметный шрам (должно быть, следствие драки в школьные годы), характер скорее мягкий. В день выкуривает не более десяти сигарет. Проявил большие способности в катании на роликовой доске. В юности позировал обнаженным для фотожурнала. В настоящее время служит в фирме спортивных товаров «Плеяды». Заведует отделом реализации обуви для прыжков (спортивные туфли на эластичной пружинящей подошве из вспененного пластика). Хобби — конструи-

рование движущихся моделей. В шестом классе был удостоен бронзовой медали на конкурсе школьников-изобретателей, организованном одной газетной компанией.

Приведенные ниже донесения — результат расследования, касающегося указанного мужчины. Оно велось неофициально, и поэтому донесения составлены не по форме.

Перед рассветом, точнее в четыре часа десять минут, я, согласно договоренности, пошел в бывший армейский тир накормить жеребца, и там совершенно неожиданно мне была поручена эта работа. Поскольку вначале я сам настоятельно просил тщательнейшим образом провести расследование, это поручение не было мне неприятно. Расследование, о котором я просил, заключалось в выяснении местонахождения моей жены. К сожалению, выяснить на месте, кто был с женой — мужчина или женщина, не удалось, вот я и подумал, что моя просьба удовлетворена. Обычно к расследованию привлекают лиц, обладающих определенной компетенцией, и в конце концов я пришел к выводу, что, во всяком случае, доверием жеребца я пользуюсь.

В то утро жеребец был в прекрасном настроении. Он раз восемь пронесся туда и обратно по утрамбованной земле бывшего тира

длиной в двести сорок восемь метров. И упал всего лишь три раза — совсем неплохо.

— В общем, внутренне я вполне созрел, чтобы бегать на задних ногах, — сказал он, тяжело дыша, вытер лицо висевшим на шее полотенцем, залпом осушил принесенный ему пакет молока и с торжествующим видом начал приплясывать на задних ногах. — Все дело в привычке, я мог бы стоять и на одних передних. Но это неудобно. Хочешь бегать как настоящая лошадь — изволь отталкиваться только задними ногами, а передними лишь перебирай, чтобы не заносило в сторону.

Мы находились в том конце длинного, тоннелем протянувшегося с востока на запад тира, где раньше были мишени. В стенах, под самым потолком, как в железнодорожном вагоне, тянулись одно за другим наглухо закрытые слуховые окна, но свет через них не проникал — на улице было еще темно. Торцовая стена, обращенная к востоку, заложена мешками с песком, а перед ними — глубокий ров, отсюда, когда тир функционировал, выставляли мишени. Справа и слева от рва установлены огромные прожекторы для подсвета мишеней — другого освещения в тире не было. Поэтому западный торец, где находился огневой рубеж, — темная дыра. Приплясываю-

щий жеребец отбрасывал на белую сухую землю двойную тень и казался мотыльком, трепещущим в блестящей паутине.

Он, видно, и в самом деле мнит себя жеребцом, поэтому спорить я с ним не стал, но на настоящего жеребца он мало похож. Слишком непропорционален: короткое туловище, отвислый зад, ноги полусогнуты, точно сидит на корточках. Даже игрушечное седло и то сползло бы с его спины. При самом благожелательном отношении его можно принять за рахитичного верблюжонка или за четырехногого страуса.

И как одет! На нем голубая с бордовой каймой майка, темно-синие трусы и белые спортивные туфли, а вокруг пояса, чтобы спрятать голое тело между майкой и трусами, повязан кусок хлопчатобумажной ткани. В общем, вид малопривлекательный.

— Вдумайтесь, ведь фактически то же самое происходит и с автомашиной. Если заранее не проверить тормоза задних, ведущих колес, на крутом склоне могут произойти серьезные неприятности. Ничего, вот надену на днях ваши туфли для прыжков и уж тогда набегаюсь в свое удовольствие.

Жеребец коротко рассмеялся, мне же было не до смеха. Вместо меня ему ответило прокатившееся по тире эхо. Видимо, предпола-

галось, что конструкция потолка — чередование арок и параллелепипедов — будет способствовать поглощению звука, но она оказалась малоэффективной. А может быть, такая конструкция позволяла обойтись без несущих опор?

Проглотив, почти не жуя, бутерброд с ветчиной и латуком, жеребец, потягивая несладкий кофе, который я принес в термосе, заявил, что хочет еще немного потренироваться. Наверное, он так старается, готовясь к юбилею клиники, который должен состояться через четыре дня. Чтобы выйти победителем, он, кажется, намерен пока не обнаруживать себя, но в оставшиеся дни вряд ли кто-нибудь заглянет в тир, так что на этот счет можно быть совершенно спокойным.

Расследование, о котором я говорил, было поручено мне незадолго до того, как мы расстались. Мне вручили тетрадь и три кассеты. Тетрадь большого формата, бумага плотная — та самая тетрадь, в которой я теперь пишу. Как мне объяснили, на оборотной стороне кассеты обозначены шифр для связи М-73Ф и порядковый номер, в ней хранилась звукозапись слежки за объектом моего расследования, сделанная с помощью подслушивающей аппаратуры.

Вся эта история представлялась мне весьма подозрительной. Хотя жеребец, видимо, располагал какими-то сведениями, касающимися моей жены, однако делал вид, что ничего не знает. Это было отвратительно, но, подумал я, возможно, он теперь будет действовать иначе, и у меня отлегло от сердца. Как-никак с момента исчезновения жены прошло три дня. Убеждать себя, будто беспокоиться нечего, уже просто невыносимо. Я взял все, что он дал мне, и вернулся домой. И сразу же поставил кассету. Прослушивание заняло чуть больше двух часов. Потом еще около часа я сидел в задумчивости.

Мои надежды не оправдались. Во всей записи я не услышал голоса, даже отдаленно напоминающего голос жены. Да и не только ее, там вообще не было никакого женского голоса. Подслушивающая аппаратура и сыщики выискивали, выслеживали, разоблачали только мужчину. Цоканье языком, покашливание, фальшивое пение, лай, униженная мольба, деланный смех, отрывок, сморкание, робкие оправдания — все это раздробленный на мелкие осколки и выставленный на всеобщее обозрение мужчина. Причем мужчина этот — не кто иной, как я, мечущийся в поисках пропавшей жены.

Растерянность отступала, и волной накатывала злоба. Все, что мне говорил жеребец, оказалось сущей ерундой. Выходило даже, будто он меня дурачит. А вдруг он хотел сказать: прежде чем искать жену, найди самого себя? Но я не собираюсь заниматься таким безнадежным делом, я просто ищу жену. Искать же самого себя — все равно что карманнику украсть собственный бумажник или сыщику надеть на себя наручники. Нет уж, благодарю покорно.

К тому же было предусмотрено обеспечение правдивости моих донесений. Например, чтобы я не искажал факты в выгодном для себя свете, по первому требованию я должен добровольно подвергаться проверке на детекторе лжи. Именно такое условие было выдвинуто. Далее, меня обязали избегать имен собственных. Самого себя следовало именовать в третьем лице. Так, мне было велено себя называть «он», а его — «жеребец» и иметь дело только с ним. В общем, создавалось впечатление, будто мне забили в рот кляп. Чего он опасается?

Итак, я начинаю свои записи. Я не могу сказать, что делаю это против воли, лишь выполняя поручение. Да и жеребец, как мне показалось, сегодня утром был подчеркнуто

искренним, стараясь, чтобы я не заметил его хитростей и уверток. Тренировался он изо всех сил, и на лице его, когда он поручал мне провести расследование, было написано сострадание. И еще одного нельзя упускать из виду: именно тогда он впервые употребил слово «инцидент». Тем самым — пусть косвенно — признав, что я нахожусь в чрезвычайно трудном положении. Это поразительное саморасследование можно, пожалуй, рассматривать как подготовку к детальному иску. Что касается пожелания жеребца, чтобы я писал о себе в третьем лице, то, возможно, оно вызвано стремлением придать особую достоверность этому иску и привлечь внимание всех, кому в нашем обществе надлежит ведать подобными вопросами (ведь существуют же люди, занимающиеся борьбой с преступностью и наблюдающие за поддержанием порядка). Когда я испытываю стыд, то способен на самые безрассудные действия, недоброжелательные выпады, самые необдуманные поступки.

Если удастся, я бы хотел, как было предписано, подготовить к завтрашнему утру нечто напоминающее донесение. Попытаюсь с помощью известных мне одному фактов восстановить фрагменты, записанные на магнит-

ную ленту, и со всей возможной добросовестностью рассказать о лабиринте, куда я был загнан под именем «он». Впрочем, мне было бы и неловко выступать от первого лица — меня не покидает мысль, что, говоря от третьего лица, не так уж трудно найти выход из тупика, в котором я оказался.

Словом, если эти предварительные заметки не понадобятся, можно будет их вычеркнуть — я возражать не стану. Оставляю все на усмотрение жеребца.

Однажды летним утром неожиданно, без всякого вызова, примчалась машина «скорой помощи» и увезла его жену.

Случившееся было как гром среди ясного неба. Муж и жена спокойно спали, когда их разбудила сирена, и оказались в полной растерянности. Жена никогда ни на что не жаловалась. И тем не менее два санитар с носилками, хмурые и неразговорчивые — наверное, не выспались, — считая естественным, что болезни всегда неожиданность, не обратили на их возражения никакого внимания. Вдобавок на санитарах были белые каски с кокардами, белые накрахмаленные халаты и даже противогазы через плечо. В карточке, которую они показали, были точно указаны не только фа-

милия и имя жены, но даже год, месяц и день рождения — противиться было бессмысленно.

При таких обстоятельствах оставалось одно: позволить событиям идти своим чередом. Жена тоже смирилась и, должно быть стесняясь своего измятого ночного кимоно — его давно уже следовало сменить, — легла, поджав ноги, на узкие носилки; санитары тотчас накрыли ее белой простыней и понесли прочь — муж и жена не успели сказать друг другу ни слова.

Распространяя запах жидкости для волос и креозота¹, носилки, поскрипывая, спускались по лестнице. Вспомнив, что жена все же успела надеть трусы, он немного успокоился. «Скорая помощь», сверкая красной мигалкой и завывая сиреной, умчалась. Мужчина, приоткрыв дверь, провожал ее взглядом — часы показывали четыре часа три минуты.

(Приведенный ниже разговор записан на второй стороне первой кассеты. Показатель счетчика — 729. Время — 13 часов 20 минут в день инцидента. Место — кабинет заместителя директора клиники, куда была доставлена жена мужчины. Голос заместителя дирек-

¹ Креозот — маслянистая жидкость с резким запахом, применяется в медицине как антисептик.

тора звучит размеренно и негромко, изредка в нем проскальзывают саркастические нотки. Мой собственный голос, поскольку я взволнован, тоже не лишен выразительности и звучит вполне сносно. Хотя следовало бы, конечно, избавиться от привычки проглатывать концы слов. И еще — режет ухо непрерывное тиканье часов, стоящих рядом с микрофоном.)

Заместитель директора. И все же я никак не пойму, почему вы не приняли никаких мер сразу на месте?

Мужчина. Я почему-то первым делом включил чайник, наверное, в голове у меня все перемешалось.

Заместитель директора. Вам нужно было сесть вместе с женой, в машину «скорой помощи».

Мужчина. Когда я позвонил по сто девяtnадцатому¹, мне сказали то же самое.

Заместитель директора. Разумеется.

Мужчина. Неужели моя растерянность не кажется вам вполне естественной?

Заместитель директора. Случись такое со мной, я бы не растерялся. «Скорая помощь», мне кажется, как средство маскиров-

¹ *Сто девяtnадцать* — номер телефона экстренных вызовов: «скорой помощи», пожарной команды и т. д.

ки ничуть не хуже катафалка. Превосходный реквизит для преступления. В передвижном тайнике — полураздетая женщина и трое здоровенных мужчин в масках. Случись все это в кино, следующая сцена была бы ужасной. Так вы говорите, на вашей супруге было лишь тонкое ночное кимоно — о да, оно хорошо продувается и не липнет к телу, но зато легко и распахивается.

Мужчина. Не говорите таких страшных вещей.

Заместитель директора. Я шучу. Просто я реалист и не могу принимать всерьез вымышленные, нелепые истории.

Мужчина. Но ведь вы должны знать, прибыла ли машина «скорой помощи» в клинику.

Заместитель директора. По данным регистратуры — прибыла.

Мужчина. Может быть, охранник просто все это выдумал?

Заместитель директора. Пока, без доказательств, утверждать ничего не могу.

Мужчина. В таком случае я убежден: моя жена находится в клинике. Полураздетой уйти отсюда она не могла. Да и в такую рань был открыт лишь служебный вход, который бдительно сторожит охранник.

Заместитель директора. Если я узнаю что-нибудь, немедленно сообщу вам. И все же подумайте сами: взрослый самостоятельный человек среди бела дня заблудился в клинике. Не уверен, что полиция поверит подобным рассказам и заинтересуется этим делом.

Мужчина. А может быть, ее по ошибке насильно поместили в клинику?

Заместитель директора. Это могло произойти лишь в том случае, если ваша супруга отказалась подвергнуться осмотру.

Мужчина. Поместить сюда кого-нибудь не так-то просто; человек, не имеющий отношения к клинике, едва ли смог бы это сделать.

Заместитель директора. Пока достоверно известно одно: кто-то вызвал «скорую помощь».

Мужчина. Что же все это значит?

Заместитель директора. Если придерживаться фактов — произошло страшное несчастие. Что же касается моей компетенции — я сделаю для вас все от меня зависящее. Но мне прежде всего необходимы факты. Возможно, их сообщит охранник; поскольку ведется проверка его показаний — подождем результатов. А пока в первую очередь необходимо доказать вашу собственную невиновность.

Мужчина. Ну это уж слишком.

Заместитель директора. Я лишь рассматриваю возможные варианты.

Мужчина. Я жертва.

Заместитель директора. Другими словами, всю вину вы возлагаете на клинику?

Мужчина. Не знаю, что и думать.

Заместитель директора. А что, если для начала посоветоваться с управлением охраны? Нужно самим удостовериться во всем на месте — иначе не избежать ошибок. Ведь и время, и место точно установлены, следовательно, чтобы вернуться назад, к моменту происшествия, нужно расспросить людей из амбулаторного приемного отделения. Может, удастся без особого труда найти двух-трех свидетелей.

(После этого заместитель директора клиники, который спешил на заседание Совета, ушел, а я — «мужчина» — был представлен его секретаршей главному охраннику. Обо всем происшедшем я составляю позднее подробное донесение, а пока привожу запись показаний охранника, бывшего свидетелем госпитализации жены. Первая сторона той же кассеты. Показатель счетчика — 206. Впоследствии достоверность сказанного подтверждена на детекторе лжи.)